

Література

1. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. – Л.: Наука, 1975.
2. А дамец П. Образование предложений из пропозиций в современном русском языке. – Praha, 1978.
3. Азнаурова Э. С. Прагматика художественного слова. – Ташкент: Изд-во ФАН, 1988.
4. Андриенко Т. П. Иронические речевые акты в сатирическом романе // Вісник Харків. держ. ун-ту. – Ром.-герм. філологія. – 1999. – № 435.
5. Антипов Г. А. и др. Текст как явление культуры. – Новосибирск: Наука, 1989.
6. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1.
7. Апухтин В. Б. Психолингвистический метод анализа смысловой структуры текста: Автореф. дис.. канд. психол. наук. – М., 1977.
8. Арнольд И. В. Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста // Текст как объект комплексного исследования. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
9. Арнольд И. В. Статус импликации в системе текста // Интерпретация художественного текста в языковом вузе. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.
10. Ахутина Т. В. Порождение речи: нейролингвистический анализ синтаксиса. – М.: Наука, 1989.
11. Ашурова Д. У. Производное слово в свете коммуникативной теории языка. – Ташкент: Изд-во ФАН, 1991.
12. Багдасарян В. Х. Проблема имплицитного (логико-методологический анализ). – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1983.
13. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. – Ростов н/Д, 1993.
14. Бацевич Ф. С. Основи комунікативної девіатології. – Львів: Вид-во ЛНУ, 2000.
15. Безуглая Л. Р. К проблеме косвенных способов реализации речевого акта // Вісник Харків. Держ. Ун-ту. – Ром.-герм. філ. – 1999. – № 424.
16. Белова А. Д. Лингвистические основы аргументации. – К.: Изд-во КНУ, 1997.
17. Белянин В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста. – М.: Изд-во МГУ, 1988.
18. Богданов В. В. Текст и текстовое общение. – СПб: Наука, 1993.
19. Богин Г. И. Субстанциональная сторона понимания текста. – Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 1993.
20. Богин Г. И. Филологическая герменевтика. – Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1982.
21. Брудный А. А. Психологическая герменевтика. – М.: Лабиринт, 1998.
22. Булатецкая Л. И. Топикальность и ее реализация в тексте. – К.: Вища школа, 1985.
23. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М.: Наука, 1993.
24. Воробьева О. П. Текстовые категории и фактор адресата. – К.: Вища школа, 1993.
25. Гальперин И. Р. Информативность единицы языка. – М.: Высшая школа, 1974.
26. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981.
27. Геворкян К. У. Кинесический язык: Автореф. Дис... докт. филол. Н. – Ереван, 1991. М.: Наука, 1985.
28. Гойхман О. Я., Надеина Т. М. Основы речевой коммуникации: Учебник для вузов. – М.: ИНФРА, 1997.
29. Диалог: теоретические проблемы и методы исследования: Сб. научно-аналитических обзоров. – М.: ИНИОН, 1991.
30. Димитрова Ст. Текст и подтекст. – София: Изд-во БАН, 1984.
31. Долинин К. А. Интерпретация текста. – М.: Наука, 1985.
32. Зимняя И. А. Упреждающий синтез и вероятностное прогнозирование в речевом поведении. – М.: Высшая школа, 1973.
33. Каменская О. Л. Текст и коммуникация. – М.: Наука, 1990.
34. Караван В. И. Сложные речевые единицы. – К.: Вища школа, 1989.
35. Колегаева И. Текст как единица научной и художественной коммуникации. – Одесса: Ред. отдел обл. упр. по печати, 1991.
36. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988.
37. Лурия А. Р. Язык и сознание. – М.: Наука, 1979.
38. Москальская О. И. Грамматика текста. – М.: Высшая школа, 1981.
39. Норманн Б. Ю. Синтаксис речевой деятельности. – Минск: Высшейш. Школа, 1978.
40. Потапова Р. К. Коннотативная паралингвистика. – М.: Наука, 1997.
41. Почепцов О. Г. Основы прагматического описания предложения. – К.: Высшая школа, 1986.
42. Радзівська Т. В. Текст як засіб комунікації. – К.: Вид-во АН України, 1993.
43. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М.: Academia-центр, 1995.
44. Сельванова О. О. Складне слово: мовні моделі світу. – Черкаси: ЦНТІ, 1996.
45. Тураева З. Я. Лингвистика текста. – М.: Просвещение, 1986.
46. Шмелева Т. В. Речеведение. Теретические и практические аспекты (материалы для обсуждения). – Новгород, 1996.
47. Cook G. Discourse. – Oxford: OUP, 1990.
48. Grosse E. U. Text und Kommunikation. – Stuttgart: Kohlhammer, 1976.
49. Langacker R. W. Grammar and Conceptualization. (Cognitive Linguistics Research 14) – Berlin /N. G.: Mouton de Gruyter, 1999.
50. Yule G. Pragmatics. – Oxford: Univ. Press, 1996.

Задорнова В. Я.

ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВ В АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

«Образ» является весьма часто употребляемым, но при этом весьма расплывчатым и неопределенным филологическим термином. Он применяется как к языку, так и к речи, как к «информативным» текстам, так и к художественной литературе. И даже в отношении последней нет единодушия в употреблении этого термина. В западной литературе вопроса под словом «image» понимается и «всякое выражение, придающее речи красочность, наглядность» [15], и «картина, нарисованная словами» [10], и просто «метафора или фигура речи» [11]. В русском литературоведении «образ» определяется, например, как «форма отражения действительности искусством, конкретная и вместе с тем обобщенная картина человеческой жизни, преображаемой в свете эстетического идеала художника, созданная при помощи творческой фантазии» [13, с. 241]. Некоторые ученые, сознавая противоречивость и сложность этого термина, предлагают вообще его упразднить [15, с. 557]. Трудность заключается еще и в том, что в русской традиции этот термин может относиться и к литературным персонажам. Образы персонажей заслуживают отдельного внимания и требуют отдельного исследования. Данная статья посвящена образу как выразительному средству художественной речи.

Как уже неоднократно отмечалось, эстетический аспект словесно-художественного творчества раскрывается с помощью лингвопоэтического анализа. Предметом лингвопоэтики является совокупность использованных в художественном произведении языковых средств, при помощи которых писатель обеспечивает эстетическое воздействие, необходимое ему для воплощения его идейно-художественного замысла [5]. Существует значительное количество работ, посвященных принципам и методам лингвопоэтического анализа, разработаны его категории и параметры [6]. Однако образу в рамках лингвопоэтики не было уделено должного внимания.

Образ можно считать одним из центральных лингвопоэтических понятий, которое обеспечивает необходимую связь между уровнем языкового выражения (лингвостилистическим уровнем) и художественным содержанием произведения. Словесный поэтический образ можно определить как не прямое, ассоциативное

выражение одного предмета или явления в терминах другого в соответствии с глобальным эстетическим замыслом автора. Эта обусловленность глобальным замыслом автора является существенным фактором в понимании сути образа и отличает образ от простого тропа или фигуры речи. Отождествление образа с тропом, например, с метафорой, привело бы к упрощению этого понятия, так как образ – это не просто употребление слова в переносном смысле, а непрямо́й, ассоциативный способ выражения некоего художественного содержания. Далеко не все тропы и фигуры речи поднимаются на этот уровень, некоторые выполняют «декоративную» функцию в тексте [4]. С другой стороны, не все образы основаны на тропах или фигурах речи [3].

Можно предположить, и эта идея уже не раз высказывалась филологами, что образы не создаются каждый раз заново, а представляют какую-то абстрактную модель или аналогию, но в индивидуальном авторском воплощении. Поэты и писатели используют уже существующие модели, или парадигмы, приспособляя их к своим художественным целям. По определению Н. В. Павлович, «парадигма образа – это инвариант ряда сходных с ним образов, который состоит из двух устойчивых смыслов, связанных отношением отождествления» [7, с. 14]. На материале русской поэзии 18–20 вв. Н.В.Павлович показывает, что «каждый поэтический образ существует не сам по себе, а в ряду других ... в глубинном смысле сходных образов – и вместе с ними реализует некий закон, модель, правило, или парадигму» [7, с. 14]. Этот инвариант образа существует, если можно так выразиться, в поэтической понятийной картине мира,

В этой связи уместно вспомнить известную работу Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [9], в которой была высказана мысль о том, что метафоры пронизывают всю нашу повседневную жизнь и проявляются не только в языке, но и в мышлении и действии. Сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны, причем он этого даже не замечает. Метафоры как языковые выражения становятся возможны потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека. Эти положения иллюстрируются в книге такими метафорическими понятиями (или концептуальными метафорами), как «argument is war», «time is money», «life is a gambling game», «the mind is a container», «ideas are plants», «understanding is seeing» и др. «Любовь» также воспринимается метафорически, отсюда – следующие концептуальные метафоры: «love is a physical force», «love is a patient», «love is madness», «love is magic», «love is war» [9, с. 49].

Известно, что в поэзии образному переосмыслению часто подвергаются глобальные абстрактные понятия, такие как «жизнь», «смерть», «время», «красота», которые чрезвычайно сложны и многомерны. «Любовь» относится к их числу. Интересно сравнить концептуальные «любовные» метафоры, существующие в английском языке (см. выше), и парадигмы образов, связанных с «любовью», которые обнаруживаются в английской поэзии. Изучение английской лирической поэзии 16–20 вв. показало, что наиболее распространенные парадигмы – это «любовь – болезнь», «любовь – боль», «любовь – потеря свободы», «любовь – огонь». Только одна из них сопоставима с концептуальными метафорами, выделенными Дж. Лакоффом и М. Джонсоном для английского языка: «любовь – болезнь» включает в себя «любовь – безумие» («love is madness»).

Согласно американским ученым, «love is madness» отражается в следующих метафорических выражениях, характерных для повседневного языка: «I'm crazy about her», «She drives me out of my mind», «He constantly raves about her», «He's gone mad over her», «I'm just wild about Harry». Поэтические строки, относящиеся к сходной аналогии («любовь – болезнь»), отображают гораздо более сложное и многомерное явление. «Любовь» относится и к состоянию души («Love is a torment of the mind» или «Love is a sickness full of woes». Samuel Daniel), и к физическому состоянию тела влюбленного человека («Любовь» может рассматриваться как определенный вид болезни («Love is a universal migraine». Robert Graves) и иметь симптомы, как в случае реального заболевания («lips and eyelids pale», «cheek... cold and white», «heart beating loud and fast». P.B.Shelley). Чаще всего эта болезнь неизлечима: «Love is a sickness full of woes/All remedies refusing...» Samuel Daniel). Влюбленному человеку кажется, что он умирает («When sighs have wasted so my breath/That I lie at the point of death». Henry Howard; «I die! I faint! I fail!... P.B.Shelley), но сама смерть представляется избавлением от мук («Oh! Press it/heart/ close to thine again,/Where it will break at last». P.B.Shelley). Аналогия между «любовью» и «безумием» прослеживается в поэзии, так же как и в повседневном языке («Love's madness he has known». John Keats), но чаще всего она является малой парадигмой, входящей в большую парадигму «любовь – болезнь»: «Love is a universal migraine,/A bright stain on the vision/Blotting out reason» (Robert Graves).

Естественно, что болезнь подразумевает боль и страдания, как физические, так и душевные. Поэтому следующая образная парадигма, связанная с любовью, это «любовь – боль». Она находит языковое выражение в первую очередь в слове «pain», а также его синонимах «ache», «smart», «torment», «agony» и др.: «The pain of loving you/Is almost more than I can bear...»(D.H.Lawrence); «...And in my heart how deep unending/Ache of love!» (James Joyce); «No torment is so bad as love» (Robert Burton).

Идея «боли» может выражаться и опосредованно, через следующие слова: «wound» («To inflict a cureless wound». G. G. Byron), «to bleed» («Still must mine /heart/, though bleeding, beat». G. G. Byron), «thorn» («But my false lover staw my rose,/And left the thorn wi' me». Robert Burns). Значения слов, означающих «боль», усиливаются определениями, например, «cureless», «unending», «too long». «Боль» описывается в таких выражениях, что кажется невыносимой, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что она может доставлять влюбленному даже некое наслаждение: «I feed a flame within, which so torments me/That it both pains my heart, and yet contents me;/Tis such a pleasing smart» (John Dryden). Страдание предстает в поэзии как неотъемлемая часть любви. Влюбленные культивируют в себе страдание, а иногда даже упиваются и гордятся им, поэты «rain» часто сочетается с такими «позитивными» понятиями, как «splendour» и «greatness»: «the splendour and the pain» (Rupert Brooke), «the exalted portion of the pain» (G. G. Byron), «Love – what is love? A great and aching heart» (R.L.Stevenson). Лучшее всего связь между болью и любовью выразил А. Каули:

*A mighty pain to love it is
And 'tis a pain that pain to miss.*

В английской поэзии также распространена аналогия между «любовью» и «потерей свободы». Она реализуется в нескольких видах метафор, в которых эксплицитно или имплицитно присутствуют человек, птица, насекомое. Некоторые поэты представляют любовь как тюрьму, из которой не может вырваться влюбленный человек: «*If I had known how narrow a prison is love*» или «*At thy touch my spirit is captive*» (М. Fox). Другие сравнивают влюбленного с закованным в цепи рабом: «*And I, thy cowering self, in chains grown tame, / Bound to thy body and soul*» (D. G. Rossetti). Нередко проводится параллель между влюбленным и птицей, попавшей в силки или посаженной в клетку, или между влюбившимся человеком – и насекомым, запутавшимся в паутине и ставшим добычей паука: «*But caught within the subtle snare, / I burn, and feebly flutter there*» (G. G. Byron); «*He caught me in his silken net, / And locked me in his golden cage*» (W. Blake); «*Since I was tangled in thy beauty's web, / And snared by the unglowing of thy hand*» (John Keats).

Во всех этих метафорах подчеркивается невозможность освобождения для влюбленного лирического героя и возвращению к прежнему состоянию свободного человека. Фатальность этой ситуации напоминает нам аналогию между «любовью» и «болезнью», часто смертельной болезнью, с которой влюбленный смиряется, как со своей судьбой.

Парадигма «любовь – огонь» находит отражение в ряде поэтических штампов, например: «*In her eyes the fire of love does spark*» (Edmund Spenser), но может обнаруживаться и в индивидуальных авторских метафорах, которые могут получать как позитивную, так и негативную окраску в зависимости от интенции поэта. С одной стороны, сравнение «любовь» с «огнем» наводит на мысль о страстной, горячей любви («*hot desire*», «*exceeding heat*», Edmund Spenser) или о любви, способной преобразить все вокруг («*Whose flame illumines / The darkness of lone cottage rooms*», Н. W. Longfellow). С другой стороны, это образное представление подразумевает разрушительную силу любви, которая становится очевидной при употреблении глагола «to burn»: «*... like a flame I burn'd*» (W. Blake), «*Or, circled by his / love's / fatal fire, / Your hearts shall burn, your hopes expire*» (G. G. Byron). Интересно отметить, что понятия «fire» и «rain» часто встречаются вместе, свидетельствуя о том, что «пламя любви» сжигает человека изнутри, причиняя ему боль («*I feed a flame within, which so torments me...*» John Dryden).

Проведенное исследование показало, что между концептуальными «любовными» метафорами, существующими в обыденной понятийной системе носителей английского языка, и парадигмами образов, связанных с любовью, в английской классической поэзии, существует огромная разница. Прежде всего, различен сам набор образных представлений. Между ними есть точки соприкосновения («love is madness» – «love is a disease»), но в целом они строятся по разным моделям. Другим отличием является то, что обыденные концептуальные метафоры обладают как отрицательными («love is madness», «love is war»), так и положительными («love is a physical force», «love is magic») коннотациями, в то время как все выделенные парадигмы образов окрашены негативно. Любовь редко изображается английскими поэтами как счастливое состояние: она сводит вас с ума, сопровождается величайшими страданиями, сжигает вас изнутри, вы становитесь рабом своей страсти. Несмотря на это, любовь в поэзии представлена как желанное чувство, которое делает жизнь богаче и ради которого стоит вынести все страдания.

Следует отметить, что роль языкового выражения для обыденных концептуальных метафор не так важна, как для парадигм образов. Расхожие выражения вроде «*I'm crazy about her*», «*I was magnetically drawn to her*», «*She cast her spell over me*», «*She fought for him, but his mistress won out*» просто иллюстрируют соответствующие концептуальные метафоры. В поэзии каждая реализация инварианта может сопровождаться дополнительными коннотациями и оттенками значений. Так, несмотря на общую негативную окраску парадигм «любовь – безумие», «любовь – боль», их конкретные реализации в поэтическом языке обнаруживают положительные коннотации благодаря сочетанию с «положительными» словами: «*... love, that sweet madness, / Leaps and grows in toil and sadness*» (Е. М. Н. Cortissoz); «*That she, dear She, might take some pleasure of my pain*» (Sir Philip Sidney); «*What's left behind I shall not find, / The splendour and the pain...*» (Rupert Brooke). Точно так же любовь как отсутствие свободы никогда не ассоциируется с насилием. «Тюрьма» может быть очень привлекательной для влюбленного («*subtle snare*», «*silken net*», «*golden cage*»), по крайней мере, внешне, и поэтому его нежелание выбраться из неволи вполне объяснимо. Противоречивость парадигмы «любовь – огонь» становится очевидной при обращении к конкретным метафорическим воплощениям, одни из которых подчеркивают созидательную, другие – губительную силу любви.

Более того, один и тот же поэтический контекст может соотноситься с несколькими образными парадигмами. Так, например, следующая строка из стихотворения Джона Драйдена восходит одновременно к двум инвариантам: «любовь – боль» и «любовь – огонь»: «*I feed a flame within, which so torments me*». Парадигмы «любовь – огонь» и «любовь – потеря свободы» представлены в стихотворении Байрона («*But caught within the subtle snare, / I burn and feebly flutter there*»). Поэтические аналогии «любовь – потеря свободы» и «любовь – боль» сосуществуют у сэра Томаса Уайетта: «*Tangled was I in Love's snare, / Oppressed with pain, torment with care*».

Проведенное исследование показало, что образные представления о любви в обычной и в поэтической речи формируются по разным законам. Парадигмы образов, связанных с любовью, в английской поэзии гораздо сложнее, чем их концептуальные аналоги в повседневной английской речи, и гораздо глубже проникают в сущность этого понятия. Изучая поэзию, мы не можем ограничиться формальной констатацией существования тех или иных образных парадигм, а должны учитывать те нюансы, которыми обогащается существующий инвариант, воплощаясь в конкретных поэтических реализациях.

Такой когнитивный подход к поэтическому образу с учетом сложности и специфики поэтического искусства может помочь выявить механизмы создания образов, а также установить соотношение между традиционным и индивидуальным в поэзии.

Литература

1. Виноградов В. В. Стилистика. – Теория поэтической речи. – Поэтика. – М., 1963.

2. Виноградов В. В. О теории художественной речи. – М., 1971.
3. Винокур Г. О. О языке художественной литературы. – М., 1991.
4. Гаспарян С. К. Сравнение как «изъяснение» в научной речи и как средство лингвопоэтического творчества в художественной литературе. Дисс. ... доктора филол. наук. М., 1994.
5. Задорнова В. Я. Словесно-художественное произведение на разных языках как предмет лингвопоэтического исследования. Дисс. ... доктора филол. наук. – М., 1992.
6. Липгарт А. А. Методы лингвопоэтического исследования. – М., 1997.
7. Павлович Н. В. Язык образов. – М., 2004.
8. Теория метафоры / Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М., 1990.
9. Lakoff G, Johnson M. Metaphors We Live By. – The Univ. of Chicago Press., 1981.
10. Lewis C. D. The Poetic Image. – N.-Y., 1947.
11. Spurgeon C. F. E. Shakespeare's Images and What They Tell Us. – Cambridge Univ. Press, 1935.
11. Zadornova V. The Creative Aspect of Poetic Appreciation. // Radċa personċba. Vol.III. – Rċga, 2003.

Словари и справочники

13. Словарь литературоведческих терминов / Под ред. Л. И. Тимофеева и С. В. Тураева. – М., 1974.
14. Gray M. A. Dictionary of Literary Terms / 2-nd ed. – Longman, York Press, 1992.
15. The New Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics. – Princeton Univ. Press, 1993.

Закупра Ж. А., Ангелова А. В. ФОРМИРОВАНИЕ УСТНЫХ РЕЧЕВЫХ УМЕНИЙ НА МАТЕРИАЛЕ КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ (методический аспект)

Известно, что устная речь – это аудирование и говорение, которые теснейшим образом связаны между собой, так как и в первом и во втором случае участвуют не только органы слуха, но и весь артикуляционный аппарат.

Как считают психологи, аудирование и говорение связаны с мыслительными процессами и памятью. Так, говорящий, сообщая определенную информацию, извлекает из памяти необходимые языковые знаки и объединяет их в целое в соответствии с требованиями ситуации, а слушающий из его (говорящего) речи выделяет отдельные фрагменты, которые считает наиболее значимыми, а затем объединяет и синтезирует их в единое целое. Но для того, чтобы говорящий понятно и правильно высказал свои мысли, а слушающий их понял, им необходимо иметь определенный запас языковых знаков и уметь их использовать в конкретной ситуации общения.

В иностранной аудитории на восприятие устной русской речи влияют как лингвистические, так и внелингвистические факторы.

Проблема состоит в том, что процесс аудирования затрудняют не только особенности фонетической системы, интонация, темп речи, недостаточные знания культуроведческого характера, но и то, насколько развита у студентов-иностранцев долговременная и оперативная память, мышление и механизм прогнозирования [3,19].

Известно, что развитое мышление способствует быстрому определению субъекта и предиката высказывания, выделению наиболее важного и существенного фрагмента в потоке речи, а с помощью механизма прогнозирования при восприятии очередного слова представляется возможность последующего развертывания синтаксической конструкции в целом.

Понятно, что не только сам процесс говорения, но и восприятие устной речи представляют в известной степени определенные трудности, поэтому упражнениям в аудировании русской речи (в данном случае на культуроведческом материале) отводится особое место. Тем более, что уровень речевой подготовки студентов-иностранцев является явно недостаточным, а потому проблема овладения устной речью продолжает быть актуальной.

С нашей точки зрения, перспективные в этом плане методические установки, вытекающие из теории речевой деятельности. На основании работ Н. И. Жинкина, А. А. Леонтьева, А. К. Марковой и других эти установки могут быть представлены следующим образом:

- на формирование речевых механизмов активное влияние оказывает усваиваемый материал и организация процесса обучения;
- подлежащий усвоению материал должен подаваться в системных отношениях, с учетом культуроведческого аспекта: внелингвистические факторы (цель и условия высказывания) и языковые средства, обусловленные этими факторами;
- при организации процесса обучения необходимо ориентироваться на структуру речевого поведения студентов-иностранцев.

В связи с этим цель и задача обучения состоит в привлечении культуроведческого учебного материала для развития и совершенствования устной монологической и диалогической речи студентов-иностранцев. Тексты, предлагаемые для изучения, нами используются и при проведении адаптационно-корректировочных курсов, в процессе занятий и для учебно-ознакомительных экскурсий.

Для реализации поставленной цели подбирается соответствующий учебный материал культуроведческого характера, направленный на повышение мотивации в овладении языком, развитие умений сопоставительного анализа русского языка студентов-иностранцев. После чтения текста, объяснения непонятных слов, лексико-семантического анализа и уточнения правильного произношения слов студенты-иностранцы обсуждают его содержание, выясняют, кому или чему он посвящается, соответствует ли название содержанию, высказывают свое отношение к прочитанному (соглашаются с утверждениями или возражают), отвечают на вопросы тестов, аргументируют ответы, обобщают полученную информацию, делают выводы на основе прочитанного, высказывают собственную точку зрения по поводу прочитанного.